

В.С. Машошина

Библейские концепты в романе-притче Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит»

В статье рассматриваются библейские концепты романа «Моби Дик, или Белый Кит» Г. Мелвилла. Приводятся аргументы для возможности отнесения данного сочинения к жанру романа-притчи. Анализируются имеющиеся в тексте аллюзии и референции к тексту Священного Писания, которые являются источником притчевого начала романа.

The article deals with the issue of biblical concepts in the novel «Moby-Dick, Or The Whale» by H. Melville. Analysing numerous allusions and references in the text under study to the Scriptures functioning as a core source of the novel's parabolic insight, the paper contributes to classifying the genre of «Moby Dick» as a parable.

Ключевые слова: концепт; библейский миф; аллюзия; роман-притча.

Keywords: concept; biblical myth; allusion; parabolic novel.

Литературная форма притчи, развившаяся из назидательных рассказов и сочинений, пронизанных дидактизмом, служила своего рода архитектурным эталоном для многих американских писателей. Следуя ему, художники слова создавали собственные авторские притчи, наполняя их новым содержанием. Данный факт можно объяснить литературными традициями США, в которых притчевое зерно проросло на пуританской почве. Именно литературные традиции страны послужили причиной, по которой жанр притчи надолго закрепился в творчестве величайших писателей Америки и представлен в произведениях таких мастеров художественного слова, как Б. Франклин, Н. Готорн, Г. Мелвилл, Э.А. По, М. Твен, Э. Хемингуэй и др. Подчеркнём, что Священное Писание, породившее жанр притчи, безусловно, явилось источником основных национальных американских мифов. Так, известный роман Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит» пронизан многочисленными аллюзиями библейского характера и наполнен референциями к тексту Священного Писания.

Роман о Белом Ките часто рассматривают как синтетический, выделяя такие жанровые доминанты, как морской, философский, социальный роман и даже роман-путешествие. Однако, принимая во внимание сложную философскую проблематику, аллегоризм произведения, мы полагаем, что будет правомерно охарактеризовать «Моби Дик» в качестве романа-притчи. Отличительными чертами жанра притчи являются амбивалентность и наличие скрытого плана, выходящего за рамки сюжетно-фабульной структуры произведения.

Определение «роман-притча» подразумевает, что текст Мелвилла наряду с другими вариантами обобщения содержит вероятность притчевого прочтения, расширяя и дополняя другие жанровые подходы к его толкованию. Подобный подход к трактовке жанровой принадлежности авторского текста обусловлен высокой степенью обобщённости, которой достигает писатель, несмотря на реалистичность и некоторую натуралистичность повествования.

Многочисленные библейские аллюзии, включённые в роман, обретают притчевое значение в силу своих структурных и сюжетных характеристик. Кроме того, аллегории помогают увидеть в развитии действия дополнительный, иносказательный пласт повествования и дешифровать символику, заключённую писателем-философом в глубине текста. На наш взгляд, именно через жанр притчи автор сумел реализовать свой замысел, раскрыв непостижимые принципы и механизмы мироустройства на фоне принципиально простого сюжета морского романа-путешествия.

По сути, именно природа притчи и её потенциал иносказательности дают возможность обнаружить и интерпретировать подтекст произведения. Разрозненные и малозначительные, на первый взгляд, детали обретают особый символизм и занимают своё место в сложной философско-мифологической модели мира, рождённой мыслью выдающегося писателя.

Следует подчеркнуть, что в творчестве Г. Мелвилла мощно звучат ноты пуританского прошлого. По утверждению Н. Арвина (Newton Arvin), одного из крупнейших исследователей творчества американского романтика, писатель создаёт богатую и объёмную систему образов, заимствованных из Библии: «Few men's minds have been more richly stored than Melville's with the imagery of Biblical story, of the Old Testament record especially» [6: p. 212]. В фундаментальном исследовании «Герман Мелвилл» [6] учёный сравнивает композицию романа со структурой притчи, указывая на достаточно простой внешний сюжет произведения: фатальное плавание китобойного судна на фоне predetermined свыше гибели. Однако действие строго подчиняется внутренним законам, подчинённым интенции автора.

Создавая сюжетно-образную структуру романа «Моби Дик», Г. Мелвилл прибегает к использованию различных референций и цитат. Несомненно, большое значение имеют ссылки на библейский текст. Все аллюзии в произведении служат тому, чтобы расширить семантику отдельных образных связей и заострить характеристику персонажей. Для осмысления глубинных философских вопросов писатель обращается к героям библейской и греческой мифологий. В частности, на страницах романа читатель находит упоминания о таких исторических и легендарных фигурах, как Иона, Ахав, Иеровоам и Прометей.

Текст Священного Писания, воспринимаемый как особый феномен мировой культуры, выполняет функцию посредника, включающего событийный ряд анализируемого произведения в контекст вечной тайны бытия. Следовательно, привлечение автором сюжетов из Библии даёт возможность построить

универсальную модель человеческого существования и пролить свет на символические грани образов героев.

Интересной представляется проблема интерпретации новозаветной истории о блудном сыне в романе. Отметим, что канонический евангельский текст видоизменяется, будучи пропущенным через призму воззрений писателя-романтика. Вариативность известного сюжета и отход от первоисточника доказывают, на наш взгляд, подвижность структуры романа Г. Мелвилла. Обратимся к сюжетной схеме притчи о блудном сыне, предложенной в диссертационном исследовании В.И. Габдуллиной. Так, учёный выделяет в притче четыре фазы: «*уход – испытания (искушения) – покаяние – воскресение*» [4: с. 13]. Подчеркнём, однако, что в анализируемом романе структурные элементы притчи реализуются не в полной мере, т. е. наблюдается некоторая деструкция классического образца. При этом автор представляет отдельные фазы притчи преднамеренно рельефно, что, безусловно, определяется задачами, которые ставит художник. Посредством использования библейского кода в общем, и данного сюжета в частности, писатель подводит читателя к очевидной истине, не навязывая её.

Позволим себе предположить, что Г. Мелвилл воспринимал современников американцев как скитальцев, избирающих трудную дорогу в качестве жизненного пути. Отметим, что в романе концепт скитальца активно коррелирует с концептом дороги, образуя единый контекст. Исторически американцы воспринимались, по определению Е.А. Стеценко, как «нация, которая в пути» [5] (вспомним первых переселенцев в Новый Свет, а также «фронтир», т. е. вновь осваиваемые земли на североамериканском континенте, когда поселенцы активно двигались на запад). Именно поэтому метафора дороги, как сухопутной, так и морской, находит многократное отражение в национальной литературе США. Таким образом, варьируясь и видоизменяясь, идея странствий, путешествий прочно закрепляется в самосознании американцев.

Одним из носителей данной идеи является, на наш взгляд, Измаил, главный герой романа. Читателю неведомо прошлое героя, но, видимо, у него есть причины чувствовать себя отчуждённым от мира: *Some years ago (never mind how long precisely) having little or no money in my purse, and nothing particular to interest me on shore, I thought I would sail about a little and see the watery part of the world* [2: p. 4]. Автор намеренно не включает в текст детали прошлой жизни Измаила, но ставит акцент на его желании покорять водные просторы.

Размышления Мелвилла о выборе дороги, которые находят отражение в образе Измаила, могут, с нашей точки зрения, восходить к Нагорной проповеди Иисуса Христа: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и просторанен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими. Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» [Мф. 7: 13–14]. Посредством обращения к мифологеме трудной дороги сопрягаются два евангельских архетипа — путь блудного сына и путь праведника. Аллюзия на второй

архетип, косвенно присутствующая в романе, усиливает значение заповедей, изложенных в проповеди, прочитанной Господом. Именно они являют собой вечные библейские истины и подчёркивают зависимость поступков человека от морально-нравственных постулатов, которыми он руководствуется, вставая на тот или иной жизненный путь.

Первые шаги Измаила по трудной дороге начинаются с испытаний во время подготовки к плаванию на китобойце «Пекод». Как оригинальный вариант эту точку в сюжетной линии романа можно считать первой фазой в обозначенной выше схеме притчи о блудном сыне.

Примечательно, что важным условием истолкования библейского пласта в анализируемом романе становится его соотнесённость с сюжетами античной мифологии. Как подчёркивает американский литературовед Е. Эдинжер (E.F. Edinger), художественные образы романа являются не только символическим выражением подсознательного автора, но и «одухотворёнными архетипами», заключающими в себе общечеловеческое подсознательное и воплощающимися во многих мифологических и литературных контекстах. Е. Эдинжер считает, что идущий из глубин психики архетипический образ изгоя обрёл в Америке XVIII–XIX веков особую актуальность. Исследователь делает вывод о том, что нация разлучённых со своей родиной переселенцев уверенно шла к будущему, но в то же время ощущала отсутствие фольклорного и культурного прошлого. Этот главный американский «комплекс», по мнению учёного, выражает фигура Измаила [7].

Размышляя о бесконечных странствиях, которые становятся для него обязательным условием поиска истины, Измаил приходит к убеждению, что лучше погибнуть в ревущей бесконечности, чем быть с позором вышвырнутым на берег, пусть даже во имя спасения:

But as in landlessness alone resides highest truth, shoreless, indefinite as God — so, better is it to perish in that howling infinite, than be ingloriously dashed upon the lee, even if that were safety! For worm-like, then, oh! who would craven crawl to land!? [2: p. 89].

В этих строках прочитывается желание Измаила принадлежать водной стихии, через которую реализуются концепты свободы и независимости, хотя герой романа понимает, что эти просторы, вполне вероятно, несут ему погибель.

Представляется, что концепт дом, столь значимый в контексте библейской притчи о блудном сыне, претерпевает существенные изменения в романе Мелвилла. Анализ романа позволяет утверждать, что для моряков не суша, а именно океан, где обитают китобои, является истинным воплощением дома, их родной стихией:

*The Nantucketer, he alone resides and riots on the sea; he alone, in Bible language, goes down to it in ships; to and fro **ploughing it** as his own special plantation. **THERE** is his **home**; **THERE** lies his business, which a Noah's flood would not interrupt, though it overwhelmed all the millions in China* [2: p. 55].

Среди волн настоящий моряк обретает свою идентичность и вечную верность водной среде. Г. Мелвилл повествует о сыновнем чувстве, которым скиталец проникается к морю, испытывая к водным просторам абсолютное доверие. Это ощущение, по наблюдению автора, сродни тому, что все мы испытываем к земле, на которой живём и которую воспринимаем как родной дом:

These are the times, when in his whale-boat the rover softly feels a certain filial, confident, land-like feeling towards the sea; that he regards it as so much flowery earth [2: p. 403].

Приведённые цитаты доказывают, что писатель наполняет концепт «дом» новым, отличным от традиционного понимания смыслом.

Испытания, посланные Измаилу судьбой, не ожесточают его. Мысли и действия героя романа направлены не на бунтарство, а, напротив, на покаяние: он ни в коей мере не противопоставляет себя воле Господа и готов нести ответственность за свои несправедливые поступки. В понимании героя смирение и кротость, порядочность и достоинство — значимые качества для человека. Следует обратить внимание на тот факт, что как истинно свободный человек Измаил не способен ущемлять права другого. По этой же причине Божьи заповеди для него — естественная норма поведения. Измаил не противится Богу, он делает самостоятельный, свободный выбор, однако усматривает в этом проявление Божьей воли:

...yet, now that I recall all the circumstances, I think I can see a little into the springs and motives which being cunningly presented to me under various disguises, induced me to set about performing the part I did, besides cajoling me into the delusion that it was a choice resulting from my own unbiased freewill and discriminating judgment [2: p. 7].

Пытаясь разобраться в своих чувствах, найти скрытые мотивы, которые побудили его пойти матросом на китобойное судно, Измаил приходит к выводу, что сделал это по велению Господа. Именно Высшие силы внушили герою мысль, будто бы он поступает по собственной воле. В приведённых строках можно усмотреть любопытный пример трансформации в романе отношения к концептам промыслительности и свободы выбора, столь существенным для национального самосознания американцев. Как замечает О.В. Афанасьева, «в XIX столетии вера американцев в Божий Промысел значительно ослабевает, появляются мысли о возможности проявления случайностей в жизни людей, хотя вера в Высшую силу, которая является причиной всего происходящего и защищает все живые существа на земле, по-прежнему существует» [3: с. 12].

В финале романа Измаил оказывается единственным из всей команды «Пекода», кому даровано спасение. В заключительных строках читатель узнаёт, что скитальца находит корабль — «неутешная Рахиль» («the devious-cruising Rachel»), капитан которого потерял и не может найти своих сыновей, однако находит ещё одного сироту:

It was the devious-cruising Rachel, that in her retracing search after her missing children, only found another orphan [2: p. 469].

Мы полагаем, что данный эпизод можно рассматривать как заключительную фазу притчи о блудном сыне. Открытый финал романа, столь свойственный для жанра притчи, можно интерпретировать (в более широком контексте) как обретение себя и Бога в себе, и тем самым как возможное повторное обретение собственного дома.

Другое воплощение библейского мифа о блудном сыне в романе — богоборец Ахав. В данном случае реализация новозаветного сюжета происходит совершенно иначе. С образом капитана Ахава тесно связаны концепты отчуждения и одиночества. Важно при этом, что антагонист встаёт на этот путь сознательно, подчиняя все свои мысли и чувства единственной цели — сразиться в смертельной схватке с Моби Диком — в его представлении олицетворением зла, но, по сути, причиной его безумия и одновременно источником искушения.

На примере трагедии Ахава Мелвилл показывает фатальные последствия поведения замкнувшейся в себе личности. Индивидуализм капитана доходит до своих пределов и в финале романа приводит героя «Моби Дика» к трагическому концу — одинокой смерти в конце одинокой жизни:

Glorious ship! must ye then perish, and without me? Am I cut off from the last fond pride of meanest shipwrecked captains? Oh, lonely death on lonely life! Oh, now I feel my topmost greatness lies in my topmost grief [2: p. 468].

Как свидетельствует цитата, сам Ахав осознаёт последствия, к которым привела его одна-единственная цель в жизни, направленная отнюдь не на добродетель, а на угнетение, порабощение и разрушение. Герой понимает, что всё кончено, но даже в этот час демонстрирует вершину своей гордыни:

...for hate's sake I spit my last breath at thee. Sink all coffins and all hearses to one common pool! and since neither can be mine, let me then tow to pieces, while still chasing thee, though tied to thee, thou damned whale! Thus, I give up the spear! [2: p. 468].

Ахав остаётся один на один со своим безумием, не желая подчиниться законам Природы. Он готов бороться с естественной стихией в лице Моби Дика до тех пор, пока бьётся его переполненное гордыней сердце:

In his fiery eyes of scorn and triumph, you then saw Ahab in all his fatal pride [2: p. 424].

Герой романа не выдерживает искушения и поддается безумному желанию изменить естественный ход вещей, всячески отталкивая от себя мысли о смирении и покаянии. Капитан Ахав — тоже одинокий скиталец, бороздящий просторы океана на борту китобойца «Пекод», но он не ищет возможности вернуться к Богу. Напротив, он даже не допускает мысли об этом и, следовательно, получает заслуженное наказание за отступничество от Господа.

Исследователи литературы США признают объективное влияние идеологии американского индивидуализма, идеи автономии личности и эгоизма на формирование национального самосознания крупнейших мыслителей североамериканского континента. При этом, будучи истинным американцем,

Г. Мелвилл явно вступал в полемику с подобными идеями. В своих произведениях автор не столько подвергает сомнению эти ценности, сколько пытается понять, какой путь является наилучшим для их воплощения в жизнь. Писатель задаётся вопросом о смысле жизни и размышляет о поиске Истины. Представляется логичным, что духовные искания автора «Моби Дика» воплощаются в образах персонажей его произведений. Так, и капитан Ахав размышляет о смысле своей жизни следующим образом:

When I think of this life I have led; the desolation of solitude it has been; the masoned, walled-town of a Captain's exclusiveness, which admits but small entrance to any sympathy from the green country without—oh, weariness! heaviness! Guinea-coast slavery of solitary command! [2: p. 443].

Ахава одолевает одиночество, он чувствует себя рабом капитанского самовластия и с горечью осознаёт, что за долгие годы борьбы с ужасами морской пучины он едва ли стал лучше или богаче, получив в награду лишь физическое увечье, душевные раны и тяжкий груз «сиротства».

Показательно сравнение Ахава, склоняющегося под тяжёлым бременем грехов, с библейским Адамом:

I feel deadly faint, bowed, and humped, as though I were Adam, staggering beneath the piled centuries since Paradise. God! God! God! — crack my heart! — stave my brain! — mockery! mockery! bitter, biting mockery of grey hairs, have I lived enough joy to wear ye; and seem and feel thus intolerably old? [2: p. 443].

Как видим, через страдания Ахава, отступника и богоборца, Г. Мелвилл показывает трагедию представителя рода человеческого, идущего грешным путём и оказавшегося в тупике по причине собственного выбора. Капитан непримирим и отказывается встать на стезю исправления. Тем не менее даже у этого гордеца всё-таки возникают мысли о том, что его жизнь не идеальна. Герой понимает, что к старости он остаётся ни с чем, и видит в этом горькую насмешку над собственной судьбой.

Ахав чувствует отчуждение от окружающего мира — даже Природа представляется ему не матерью, а мачехой, жестокой и холодной:

The step-mother world, so long cruel—forbidding—now threw affectionate arms round his [Ahab's] stubborn neck, and did seem to joyously sob over him, as if over one, that however wilful and erring, she could yet find it in her heart to save and to bless. From beneath his slouched hat Ahab dropped a tear into the sea; nor did all the Pacific contain such wealth as that one wee drop (выделено мной. — В.М.) [2: p. 442–443].

Из приведённой цитаты ясно, что Высшие силы до последнего момента перед решающей битвой в жизни капитана готовы даровать ему спасение и простить заблудшего, своенравного сына.

Однако старый китолов отказывается от предоставленной ему возможности раскаяться и разрушить преграду в своём сердце. Ахав категорически не допускает мысли о том, чтобы отступить от своей цели, когда она так близка, пусть даже ценой разрушения собственной души:

But Ahab's glance was averted; like a blighted fruit tree he shook, and cast his last, cindered apple to the soil [2: p. 444].

Яркое сравнение Ахава с источенной червём яблоней, которая роняет на землю последний плод, возвращает нас к библейской истории о грехопадении и является своеобразной реализацией концепта «грех» в романе. Вероятно, автор прибегает к подобному приёму, чтобы подчеркнуть невозможность душевного спасения для капитана «Пекода», следовавшего по жизни дорогой грешника.

Так постепенное нарастание напряжения в романе завершается трагической развязкой — гибелью «Пекода», к которой герой-одиночка, одержимый безумием и жаждой мести, приводит свой корабль и всю его команду.

Как видно из проведённого в статье анализа, в романе «Моби Дик, или Белый Кит» встречается множество примеров аллюзий на Священное Писание. Библия оказала значительное влияние на художественный мир автора и на его мировоззрение. Она стала для Мелвилла образцом повествовательной формы и источником ведущих концептов. Включение библейских аллюзий в ткань произведения позволило автору расширить философскую концепцию и создать панорамную картину действительности, которая отражает важнейшие закономерности и явления бытия. В тексте содержится множество библейских образов, параллелей и реминисценций. Библейская символика присутствует в речи персонажей, портретных и пейзажных зарисовках. Концепты пути, грехопадения, осознания греха, поиска веры, добра и зла становятся для писателя важным средством создания художественных образов. Библейское миропонимание является отправной точкой в размышлениях почти всех героев и нравственной мерой их духовных поисков.

Библиографический список

Источники

1. The Holy Bible. King James Version. URL: <http://www.bible.com>, свободный (дата обращения: 21.09.2014).
2. *Melville H.* Moby Dick. London: Wordsworth Editions Limited, 2002. 492 p.

Литература

3. *Афанасьева О.В.* Развитие и трансформация мотива «предопределение» в американской литературе XVII–XIX веков // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 2 (10). С. 8–12.
4. *Габдуллина В.И.* Евангельская притча в авторском дискурсе Ф.М. Достоевского: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Томск, 2008. 43 с.
5. *Стеценко Е.А.* История, написанная в пути (Записки и книги путешествий в американской литературе XVII–XIX вв.). М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 1996. 310 с.
6. *Arvin N.* Herman Melville. New York: Compass Books, 1957. 312 p.
7. *Edinger E.F.* Melville's «Moby Dick»: A Jungian Commentary. New York: New Directions, 1978. 150 p.

References

Istochniki

1. The Holy Bible. King James Version. URL: <http://www.bible.com>, svobodny'j (data obrashheniya: 21.09.2014).

2. *Melville H.* Moby Dick. London: Wordsworth Editions Limited, 2002. 492 p.

Literatura

3. *Afanas'eva O.V.* Razvitie i transformaciya motiva «predopredelenie» v amerikanskoj literature XVII–XIX vekov // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2012. № 2 (10). S. 8–12.

4. *Gabdullina V.I.* Evangel'skaya pritcha v avtorskom diskurse F.M. Dostoevskogo: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.01. Tomsk, 2008. 43 s.

5. *Stecenko E.A.* Istoriya, napisannaya v puti (Zapiski i knigi puteshestvij v amerikanskoj literature XVII–XIX vv.). M.: IMLI RAN Nasledie, 1996. 310 s.

6. *Arvin N.* Herman Melville. New York: Compass Books, 1957. 312 p.

7. *Edinger E.F.* Melville's «Moby Dick»: A Jungian Commentary. New York: New Directions, 1978. 150 p.